

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
От редакции	28

Письма

Перечень писем.....	30
1866 г.....	33
1867 г.....	37
1868 г.....	74
1870 г.....	86
1871 г.....	88
1872 г.....	101
1873 г.....	131
1874 г.....	177
1875 г.....	246
1876 г.....	319
1877 г.....	359
1878 г.....	375
1879 г.....	394
1880 г.....	447

Примечания

Примечания, сделанные А. Г. Достоевскою к письмам к ней Ф. М. Достоевского.....	498
Примечания редактора.....	512
Примечания к письмам 1872 г., составленные А. Г. Достоевскою.....	524
А. Г. Достоевская. Примечания к письмам Федора Михайловича ко мне за 1874 г.....	571

Милая моя Лия, прекрасный мой иезуит-
кица, — не рождай на меня ради Бога Ва-
шего слишком глупую осторожность, славя,
пьющиеся у тебя не бить, губишь себя еще
некоторые здоровыя. Купятки совершенныя, но
все-таки некоторая слабость и невольная
пестивль муть. Видишь ангела мое: необходимо
до последней крайности бить у Базунова, но
Базунов от меня в верстах, а к тебе в
четверо дальше. Не сурьим-ли хочи неслучайно
просторожничать, но учил навороты выдворить
завтра, пишу проворать еще недолго? Уж к Ба-
зунову-бы советам не следовало. Вчера сидеть
надъ передтокой 5-й мавы до втораго часа ночи,
(а по сию обода никак не заелучь, не даки, беспокой),
Отно меня доканать. Заснувши я пишу в четвер-
токой часу ночи, Сегодня как-то вилы, да и
ишир у меня советам не имеемшиса, так
что я учил сурьим пошину дома! Обидать
буду отпейть одинь супъ дома, как ввара, — не
сердиль своей прелесть, что пишу тебе отъиди,
Многоты, я само слишком учил сегодня.
Мне радидого не беспокойся, Мое мавы-бы
сегодня заелучь. Сувствую что соидь подкупишь
меня, а ты завтра зайди к моему подкупи
как обощаю. До свиданья милая Лия, ввие-
слого и подравляю тебе

тебя искренно любящий
И в тебе искренно верующий
твой все
В. Васильев

Моей моей Вязуше все — и надежда
и впра и огаение и ввиемство —
все —

ПРЕДИСЛОВИЕ

I.

В личном архиве Ф. М. Достоевского, поступившем в Центр-архив в ноябре 1921 года, кроме тетрадей с материалами к его романам, обнаружены одиннадцать пакетов с автографами писем Федора Михайловича к Анне Григорьевне за время с 1866 года по 1880 год. Письма обвеяны «семейным настроением» и порой глубоко интимны. Писанные в момент событий, под наплывом неостывших чувств и переживаний, они хранят следы волнений души писателя. В них нет того изящества и мастерства, каким можно восторгаться при чтении писем Тургенева. Достоевский, разрушавший обычные канонические формы романа, был своеобразен и в письмах... Длинноты, мелочи, своеобразный пафос, мешающий порой сжато изложению, спокойному, уравновешенному тону обсуждения, и полное пренебрежение к стилю — вот характерные черты эпистолярного творчества Достоевского. Насыщенные динамикой духа, письма длительны, тяжеловаты, но потрясающе искренни и красноречивы. Изумительна откровенность Ф. М., удивляет и страстная стремительность его высказываний, желание ввести собеседника во все мелочи далекой для него жизни, но глубоко захватившей в тот момент Достоевского, как зрителя и участника. Письма его к Анне Григорьевне в 80-е гг., после более чем десятилетней совместной жизни, не отличаются по тону и манере откровенно говорить о том, что есть на душе,

от писем 60-х гг. — писем его к Анне Григорьевне, только что нареченной невесте. Правда, уж к этому времени Достоевский, как он обмолвился в письме, пережил второй фазис отношений к ней. Что же разуместь под этими фазами? Какие моменты можно приурочить к ним?

Без сомнения, первый момент — первая встреча, момент знакомства Федора Михайловича Достоевского с Анной Григорьевной Сниткиной. Это было 4 октября 1866 г., когда Анна Григорьевна Сниткина, по предложению своего учителя стенографии Ольхина, направилась к «странному» характером Достоевскому, жившему на углу Столярного и Малой Мещанской, в доме Алонкина, и была у него в 11½ час. дня.

Порешив с вопросом об условиях работы, Анна Григорьевна согласилась с утра следующего дня начать ее и вечером того же дня получила от Федора Михайловича первую стенограмму его романа «Игрок»... Так с первого же дня взаимодействие Анны Григорьевны, будущей спутницы Достоевского, просто и без замедления вошло в деловую, потом, позднее, порой тревожную, порой спокойную, но преимущественно занятую колею. Иначе пережил первый день совместной работы Федор Михайлович. Время с вечера 4 октября до утра следующего дня прошло для него под знаком тревоги и беспокойства. Договорившись с стенографисткой Анной Григорьевной, Ф. М. приступил к диктовке; но, записывая адрес, при вручении рукописи, Федор Михайлович не узнал фамилии Анны Григорьевны и только после ее ухода заметил свою оплошность и от излишней в данном случае подозрительности пережил волнение и страх при мысли о возможной утрате рукописи. Адрес Анны Григорьевны Ф. М. записал на обороте переплета записной тетради (значащейся теперь под №3 — нумерация Анны Григорьевны), куда вписал летом того года материалы для

романа «Преступление и наказание». Запись эта сохранилась и гласит: «Анна Григорьевна, на Песках, у Первого Военного Сухопутного Госпиталя, в Костромской улице, в собственном доме»*.

По поводу этой записи Анна Григорьевна обратилась к своим детям со словами, записанными на отдельном листке, вложенном в ту же тетрадь: «Обращаю внимание моих детей: на обложке переплета записан рукою Федора Михайловича мой адрес. Запись эта была сделана в первый день нашей общей работы, при чем Федор Михайлович забыл записать мою фамилию и очень сокрушался весь этот день, не зная, как меня найти (т.е. как вернуть продиктованную частицу романа), на случай, если б я отдумала работать и к нему не пришла в назначенный день».

Работа продолжалась; одновременно с этим родилось и крепло интимное чувство. Наступил второй момент — 8 ноября, когда, по воспоминаниям Анны Григорьевны, Федор Михайлович сделал ей предложение... А через 1½ месяца Ф. М. сам уже говорит о новом, третьем, — еще более вводящем нас в интимную жизнь этих людей — моменте. Получив от Каткова вперед за роман тысячу рублей, Ф. М. писал своей невесте из Москвы 2 января 1867 года: «Наша судьба решилась, деньги есть, и мы обвенчаемся как можно скорее... И тогда наступит третий период нашей жизни».

Вот внешние пункты пережитого Федором Михайловичем и Анной Григорьевной в последние месяцы 1866 г.

* Ниже этой пометы еще два адреса: 1) «Долгомостьев, по Невскому Проспекту, против Знаменья, дом Кохендерфера, 77, кварт. №22» и 2) «Аксаков, Hôtel de France, №63. На среднем дворе с Большой Миллионной». Все эти записи современны: вписаны карандашом. Аксаков Иван Сергеевич в то время был в Петербурге. — *Прим. Н. Б.*

Вся дальнейшая жизнь до смерти Ф. М. отражена в значительной степени в публикуемых письмах, которые, для удобства обозрения, лучше всего поделить на три неравные группы: в первую группу отнесем все письма заграничного периода, ко второй — письма последнего десятилетия жизни и в третью — письма о Пушкинских днях в Москве (май — июнь 1880 г.), составляющие часть переписки последнего периода, но самостоятельную и обособленную по содержанию.

Анна Григорьевна, выражая свою волю относительно напечатания этих писем, определила и их значение: «Письма Федора Михайловича ко мне, как представляющие собою чрезвычайный литературный и общественный интерес, могут быть напечатаны после моей смерти в каком-либо журнале или отдельною книгою... Желательно, чтобы письма были напечатаны в хронологическом порядке, все целиком. Если нельзя напечатать целиком, то можно бы было напечатать лишь письма, относящиеся к Пушкинскому празднику» (Записная тетрадь самой Анны Григорьевны №5, с надписью: «Объяснения домашних дел и указания, сделанные А. Г. Достоевской, на случай ее смерти или тяжелой болезни, в марте 1902 года и в последующие годы». На переплете надпись: «En cas de ma mort ou d'une maladie grave». См. стр. 23–24 в отделе: «Письма покойного Федора Михайловича ко мне, за время 1867–1880 гг.»).

Но помимо историко-литературного и общественного характера письма имеют биографическую значимость там, где налицо высказывания писателя о себе и своих близких. Надо отметить, что в письмах внутренний рост художника Достоевского не получил полного отражения; письма больше рисуют его как семьянина, богато освещают его внутренний мир как отца и мужа. И лишь письма о Пушкинских торжествах должны

быть выделены, как страницы исключительно ценных признаний великого писателя о событиях тех дней.

Автобиографические черты особенно ярки в письмах первого периода. Опуская детали и мелочи повседневной жизни, отметим наиболее существенное — это овладевшую Ф. М. страсть к рулетке. Настроение Ф. М. в месяцы увлечения азартной игрой резко колеблется: приподнятый, уверенный в выигрыше тон сменяется при проигрыше (а такие случаи не раз были) печальным, подавленным чувством сожаления и огорчения от того сознания, что на эту страсть пошли буквально последние средства. Федор Михайлович, в порыве охватывавшей его страсти, пускался на последние меры в целях отыграться и, как видно из писем, спускал буквально все, что имел с собой...

Страсть была болезненная, изживалась Ф. М. тяжело, и поистине трогательно его признание в том, что, в конце концов, он преодолел эту страсть... С религиозной точки зрения взглянул на свою привязанность Ф. М. и в письме 4 апреля 1868 года заявил: «Да, мой друг, я верю, что, может быть, бог, по своему бесконечному милосердию, сделал это (проигрыш всего. — *Прим. Н. Б.*) для меня беспутного и низкого, мелкого игровишки, вразумив меня и спасая меня от игры, а стало быть — и тебя, и Соню, нас всех, на все наше будущее!.. Эта мысль мерещилась мне еще до отъезда моего сюда; но она только мерещилась, и я бы низа что ее не исполнил, если б не этот т о л ч о к , если б не эта беспутная потеря последних крох наших...» Конечно, потеря «последних крох» отрезвила Достоевского.

Об игре Федора Михайловича в рулетку в эти годы знали и раньше. Из письма его к А. Н. Майкову 16/28 августа 1867 г. точно был известен факт его проигрыша в Бадене. Письма к жене свидетельствуют, что эта страсть была длительной и не раз увлекала Ф. М. на опасный путь, так как почва для нее в эти тяжелые

в материальном смысле [времени] (как это видно из воспоминаний Анны Григорьевны и писем самого Федора Михайловича) была благоприятной. Без сомнения, надежда поправить безденежье, материальный расчет гораздо больше играл роль в поездках Ф. М. в Sacon les Bains, чем психологическая предрасположенность, душевная страсть. Для решения этого вопроса, небезразличного для изучения психологии писателя, письма дают верный источник и богатый материал. Письма дают исследователю творчества Достоевского возможность определить (ретроспективным способом), какие переживания, связанные со страстью к рулетке, были знакомы душе творца романа «Игрок» и нашли отражения в созданных образах — героях этого романа.

Письма второго периода, с момента возвращения на родину до 1880 года, — интересны, поскольку в них главным образом сказался Федор Михайлович как внимательный, чуткий и любовно относившийся к детям отец и семьянин. В письмах есть упоминания о ряде лиц — современниках, с которыми встречался и работал Федор Михайлович, особенно как редактор журнала «Гражданин», но это все штрихи, правда, небезразличные, но краткие.

Нам теперь хотелось бы читать в письмах подробные, мотивированные оценки Достоевским лиц и событий, но он иногда скользит только по их поверхности, намеками объясняя суть дела посвященной во все Анне Григорьевне. И все-таки перед нами пройдут крупные современники Достоевского: Победоносцев, Вл. Соловьев, А. Майков, Н. Н. Страхов и даже сама Анна Григорьевна в откровенных оценках Достоевского.

Вместе с тем облик самого Ф. М. здесь раскрывается неожиданно новыми, подчас наименее известными и наиболее человеческими сторонами. Скупое, но все же автор «Подрустка» поделился ценными признаниями о ходе своей работы над

планом этого романа в Эмсе летом 1874 г. Обрисовывается в сообщениях Ф. М. запутанное, длившееся годами дело о наследстве, доставшемся всем Достоевским после тетки Куманиной. Из писем видно, что Ф. М. принимал горячее участие в этом процессе*.

2.

Письма Федора Михайловича о Пушкинских торжествах 1880 г. в Москве, когда он, как представитель Славянского благотворительного общества, произнес 8 июня свою знаменитую Речь, обнимают собой время с 23 мая по 8 июня того года.

Значение этих писем, как представляющих чрезвычайный литературный и общественный интерес, определено Анной Григорьевной безусловно верно. В письмах Ф. М. ярко отражена картина тех дней, когда люди разных мировоззрений сошлись около памятника Пушкину, чтобы продумать до конца, что такое Пушкин, и высказать свое искреннее, убежденное слово.

Ф. М. в письмах раскрывает картину борьбы двух непримиримых направлений общественной мысли того времени и отмечает свое участие в этой борьбе и значение своего голоса.

* О наследстве после Куманиной, о ссоре Достоевских из-за этого и об участии Ф. М. в этом процессе см. дополнительно в воспоминаниях Люб. Фед. Достоевской «Достоевский в изображении его дочери». Перевод с немецк. Л. Я. Круковской. под ред. и с предисловием А. А. Горнфельда. М. П., 1923, стр. 94–98; также см. недавно опубликованные письма Ф. М. к А. Н. Майкову в сб. «Ф. М. Достоевский». Статьи и материалы. Под ред. А. С. Долинина. П. 1922, стр. 430 и сл.

Живая и нетерпеливая односторонность современников сказалась и в письмах Ф. М. Он пишет 28–29 мая Анне Григорьевне: «Остаться здесь я должен и решил, что остаюсь... Дело главное в том, что во мне нуждаются не одни любители Р. Словесности, а вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет, ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь университет) решительно хочет умалить значение Пушкина, как выразителя русской народности, отрицая самую народность». А дальше о себе, о том, почему он значителен как представитель: «Оппонентами же им, с нашей стороны, лишь Иван Сергеевич Аксаков, — Юрьев и проч. (не имеют веса), но Иван Аксаков и устарел и приелся Москве. Меня же Москва не слыхала и не видала, но мною только и интересуются. Мой голос будет иметь вес, а стало-быть и наша сторона восторжествует. Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы. Когда Катков сказал: “Вам нельзя уезжать, Вы не можете уехать” — человек вообще не славянофил, — то уж, конечно, мне нельзя уехать».

Об умалении значения Пушкина, конечно, никто и не думал. Это ложная предубежденность, плод партийного пристрастия Ф. М., верившего, что подлинная правда только в устах и сознании человека своей группы. Еще не видя ни Тургенева, ни других инакомыслящих, Ф. М. уже жил этой мыслью. Предугадывая это расхождение взглядов, Ф. М. перед поездкой в Москву писал К. П. Победоносцеву 19 мая так: «Должен ехать в Москву на открытие памятника Пушкина. И оказывается, как я уже и предчувствовал, что не на удовольствии поеду и даже, может быть, прямо на неприятность. Ибо дело идет о самых дорогих и основных убеждениях. Я уже и в Петербурге мельком слышал, что там, в Москве, свирепствует некая клика, старающаяся не допустить иных слов

на торжестве открытия, и что опасаются они некоторых ретроградных слов...»*

В письме 5 июня к Анне Григорьевне Ф.М. отмечает раскол партий как факт, угрожающий, по его мнению, раздором: «Подходил ко мне Островский — здешний Юпитер. Любезно подбежал Тургенев. Другие партии либеральные, между ними Плещеев и даже хромо́й Языков, относятся сдержанно и как бы высокомерно: дескать, ты ретроград а мы-то либералы. И вообще здесь уже начинается полный раздор. Боюсь, что из-за направлений во все эти дни, пожалуй, передерутся».

На фоне изображаемой Ф.М. борьбы этих общественных групп и идейных направлений проступает заинтересованность самолюбивого Достоевского в своем успехе. В письме 27–28 мая он пишет: «Если будет успех моей речи в торжественном собрании, то в Москве (а стало-быть, в России) буду впредь более известен как писатель, т.-е. в смысле уже завоеванного Тургеньевым и Толстым величия»**.

* Иначе смотрел на вещи, напр., И. С. Аксаков, если только нельзя заподозреть искренность тона его письма к жене, А. Г., урожденной Тютчевой: «с трудом поверишь, — писал он 14 июня 1880 г., — что собственно я несравненно сильнее интересуюсь общим значением этих пережитых дней, чем тою ролью, которая выпала мне лично на долю...» («Р. Архив» 1891 г., кн. 2-я, стр. 90).

** П. Бартнев сохранил такой любопытный штрих в воспоминаниях: хотя содержание речи Ф.М. никому не было известно до ее произнесения, однако в одном из заседаний пригготовительной комиссии едва было не постановили не допускать Д. к чтению чего-либо на Пушкинском празднике. Некоторые члены комиссии настаивали на таком недопущении, потому что Д. якобы нанес Тургеневу обиду, спросив его прямо и во всеуслышание, на одном из петербургских общественных обедов, чего именно хочет он от наших студентов, и тем приведя знаменитого друга молодежи в неловкое положение и смущение. На этот

Речь Ф. М. имела необычайный успех. Ей одинаково рукоплескали в тот день как Аксаков, считаемый главою славянофилов, так и глава западников — Тургенев.

Я. П. Полонский на другой же день после речи послал такое письмо в стихах* Ф. М., где выразил свое впечатление от его вдохновенной речи:

«Федору Михайловичу

Достоевскому.

Смятенный, я тебе внимал,
И плакал мой восторг и весь я трепетал.
Когда ты праздник наш венчал
Своею речью величавой,
И нам сиял народной славой
Тобою вызванный из мрака идеал.
Когда ты ключ любви Христовой превращал
В ключ вдохновляющей свободы, —

Я. Полонский.

1880 8 июня.

Москва.

Написал что написалось — пришли и помешали досказать. —

Я. П.»

Иван Сергеевич Аксаков в письме к жене 14 июня 1880 г. из Троекурова свое впечатление от пламенного слова Достоевского передал так: «На другой день, 8-го июня, должен

раз большинство членов комиссии не допустило такого ostrакизма; но прения были горячие («Р. Архив» 1891 г., кн. 2, стр. 97, примечание).

* Автограф находится среди писем Я. П. Полонского к Ф. М. Д., изданных нами в книге: «Из архива Достоевского. — Письма русских писателей». Под ред. И. К. Пиксанова, изд. Центрархива М. 1923, стр. 81.

был читать Д. (мы было так и разделились, зная сходство наших направлений); но, видя его (Д.) нервное беспокойство, я предложил ему читать первому. Он прочел, прочел мастерски, такую превосходную, оригинальную вещь, еще шире и глубже захватывающую вопрос о народности, чем моя статья, причем не в форме логического изложения, а в живых, реальных образах, с искусством романиста, и впечатление было поистине потрясающее. Я никогда ничего подобного не видел. Оно охватило всех, как публику, так и нас, сидевших на эстраде, даже отчасти и Тургенева (они друг друга терпеть не могут). Успех Достоевского — истинное, многозначительное событие. Он совершенно потопил Тургенева и всех представителей его направления. До сих пор Тургенев был идолом молодежи, и во всех речах его публичных были всегда тонкие намеки либерально-неопределенного смысла, вызывавшие фурор. Он всегда тонко льстил молодежи; да и накануне еще, говоря о Пушкине, воздавал хвалу Белинскому, дал понять, что он и Некрасова очень любит, и т. д. Достоевский же пошел прямо наперекор, представил, что Белинский ничего не понял в Татьяне, ткнул пальцем прямо в социализм, преподал молодежи целое поучение: “смирись, гордый человек, перестань быть скитальцем в чужой земле, поищи правду в себе, не какую-либо внешнюю” и т. д. Татьяну, которую Белинский, а за ним и все молодые поколения, называли “нравственным эмбрионом” за соблюдение долга верности, — Достоевский, напротив, возвеличил и прямо поставил публике нравственный вопрос: можно ли созидать счастье на несчастье другого?!

Важно именно то, как отнеслись к этому молодые же люди, которых, может быть, до тысячи было в зале. Все пришло в такой экстаз, что один юноша ринулся к Достоевскому на эстраду, упал в нервный обморок. Тут были “курсистки” курса

Герье (крайнего западника), еще в прошлом году делавшие овации Тургеневу. Бог знает где, тут же в собрании, добыли они лавровый венок и поднесли его, при общих кликах, Достоевскому, за что им, вероятно, достанется...

Надобно при том заметить, что Достоевский имеет репутацию “мистика”, т.-е. не позитивиста, а верующего человека; да он и тут помянул о Христе. Одним словом, торжество нашего направления в лице Достоевского было полное, и все речи людей так называемых 40-х годов показались дребеденью. Волнение было так сильно, что нужно было сделать длинный перерыв» («Русский Архив» 1891 г. кн. 2, стр. 96–97.)

Исчерпывающей сводки всех воспоминаний и оценок речи Ф. М. мы не намерены давать здесь; указания на литературу интересующиеся могут найти, во-первых, в «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности М. Ф. Достоевского, собр. в Музее памяти Ф. М. Достоевского» в М. Историческом Музее (1846–1903), сост. А. Достоевской (П. 1906 г.), см. отд. V, стр. 82–94; во-вторых, в книге В. П. Межева — «Puschkiniana» — Библиографический указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочин. и пр. П. 1886. См. отд. 5-й, стр. 74–75 и др.

Из не указанного там надо отметить воспоминания очевидцев: А. Ф. Кони — «На жизненном пути», т. 2-й, стр. 88–95. П. 1912 г., а также рассказ очевидца Н. И. Стрехова в сб. «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского». П. 1883, стр. 304–313, в приложении, стр. 343; Л. Нелидовой — «Памяти И. С. Тургенева» — «Вестник Европы» 1909, сентябрь, 234. Сводку газетных откликов на Пушкинские торжества и отзывы о речи Д. можно прочесть в книге «Венок на памятник Пушкина». СПб. 1880, гл. VI: «Наша печать по поводу открытия памятника Пушкину» (стр. 107–148).

К юбилею Д. (1921 г.) переизданы отзывы о речи Д. (в отрывках) Гл. Ив. Успенского и К. Н. Леонтьева в книге «Достоевский и Пушкин». Ред. А. Л. Волынского. П. 1921 г.

3.

Сам Ф. М., под неостывшим впечатлением от того восторга, какой вызвало его пламенное слово в присутствующих, верил в великое действие Речи: «Это великая победа нашей идеи над 25-летием заблуждений... Полная, полнейшая победа!» (письмо к Анне Григорьевне 8 июня).

Действительно, был неподдельный восторг, был порыв, и в непосредственном порыве, мы видим, слились люди разных «вер» — всех охватило одно чувство: и умного Тургенева, и уравновешенного Анненкова, и спокойного Аксакова. Но примирения полного, соединения путей, слияния идейного, конечно, не было: победа была, но временная. Трудно было слить столь различные по существу такие общественные струи, представителями которых были сам Достоевский и Тургенев, и эти небывалые дни единодушного увлечения были кратковременны. Прав был «Вестник Европы», не слишком доверявший приподнятому примирительному настроению и заявивший тогда же по поводу торжества и Речи Достоевского, что «значение Пушкина ценилось (тогда) не столько со спокойной исторической критикой, сколько с восторженным чувством поклонения, отвечавшим настроению минуты. Достоевский сказал даже, что Пушкин — пророк, а его поэзия — преобразование будущего России, когда русский народ возвестит истину всему человечеству. У нас, как известно, все общественные увлечения совершаются порывами, которые быстро

проходят, оставляя иногда замечательно слабое впечатление»*. Все слились, но не объединились в порыве увлечения мощью и широтой Речи Достоевского, который выдвинул ту широту взгляда, какая не достигнута была Тургеневым. Речь Достоевского была «событием», как это заявил Аксаков, но цементом для оформления жизни она не стала.

Либеральная пресса, вскоре после появления в печати Речи Д., отнеслась к пей критически; и Ф. М. не далее, как через месяц, должен был пережить чувство разочарования в современниках. «Вестник Европы», когда еще не смолкли восторги, возбужденные Речью Д., уже не разделяет общего ликования и холодно замечает: «Мы полагаем, что тема Д. о будущем или даже о настоящем первенстве русского народа над всеми остальными имеет уже тот недостаток, что представляет не новый пример национального самопрославления». Еще строже относятся к Речи «Отечественные Записки». Глеб Ив. Успенский, спешно дававший для них отчет о своих впечатлениях с праздника, отмечая как факт, что «тотчас по окончании речи г. Достоевский удостоился не то чтобы овации, а прямо идолопоклонения», закончил статью свою, однако, осторожно, сомнением: «Мудрено понимать человека, примиряющего в себе самом такие противоречия, и нет ничего невероятного, что речь его, появясь в печати и внимательно прочитанная, произведет совсем другое впечатление». Так и случилось. Сам Г. И. Успенский, прочтя речь, ответил на нее в 4-й главе той же статьи «На другой день» («Отеч. Зап.» июнь) более решительно: «Несомненна, по словам Д., неразрывная связь скитальца с народом, его чисто народные черты; в нем все народно, исторически неизбежно, законно. Вот, основываясь

* См. подр. «Венок на памятник Пушкина», СПб. 1880 г., стр. 143 и др.

на этих-то уверениях, я и передал речь г. Достоевского в том смысле, как она напечатана в п и с ь м е и з М о с к в ы, радуясь не тому всемирному журавлю, которого г. Достоевский сулит русскому человеку в будущем, а тому только, что некоторые явления русской жизни начинают выясняться в человеческом смысле, объясняются по “человечеству”, не со злорадством, как было до сих пор, а с некоторою внимательностью, чего до сих пор не было. Но у г. Достоевского, оказывается, был умысел другой. Уж и в тех выписках из его речи, которые приведены, читатель может видеть местами нечто всезаячье. Там воткнуто, как бы нечаянно, слово “может быть”, там поставлено, тоже как бы случайно, рядом “постоянно” и “надолго”, там ввернуты слова “фантастический” и д е л а н и е*, то-есть выдумка, хотя немедленно же и заглушены уверением совершенно противоположного свойства, необходимостью, которая не дает возможности продешевить, и т. д. Такие заячьи прыжки дают автору возможность превратить мало-помалу все свое “фантастическое делание” в самую ординарную проповедь полнейшего мертвенения. Помаленьку, с кочки на кочку, прыг да прыг, всезаяц мало-помалу допрыгивает до непроходимой дебри, в которой не видать уже его заячьего хвоста. Тут оказалось, как-то незаметно для читателя, что Алеко, который, как известно, тип вполне народный, изгоняется народом именно потому, что не народен. Точно так же народный тип скитальца, Онегин, получает отставку от Татьяны тоже потому, что не народен. Как-то оказывается, что все эти скитальчески-человеческие народные черты — черты отрицательные. Еще прыжок, и “все-человек” превращается в “былинку, носимую ветром”, в человека — фантазера б е з п о ч в ы. “Смирись”, — вопит грозный

* Курсив подлинника здесь и далее Н. Б.

глас: — “счастье не за морями”. Что же это такое? Что же остается от всемирного журавля? Остается Татьяна — ключ и разгадка всего этого “фантастического делания”. Татьяна, как оказывается, и есть то самое пророчество, из-за которого весь сыр-бор загорелся. Она потому пророчество, что, прогнавши от себя всечеловека, потому что он без почвы (хотя ему и нельзя взять дешево), продает себя на съедение старцу, генералу (ибо не может основать личного счастья на несчастье другого), хотя в то же время любит скитальца. Отлично: она жертвует собою. Но уввы! — тут же оказывается, что жертва эта не добровольная: “я другому отдана!” Нанялся — продался. Оказывается, что мать насильно выдала за старца, а старец, который женился на молоденькой, не желавшей идти за него замуж (этого старец не может не знать), именуется в той же речи “честным человеком”. Неизвестно, что представляет собою мать. Вероятно, тоже что-нибудь всемирное. Итак, вот к какой проповеди тупого, подневольного, грубого жертвоприношения привело автора обилие заячьих идей»*.

«Слово» еще беспощаднее. «Всего удивительнее в речи Д. то, что, сбив с толку свою аудиторию этою всечеловечностью и всемирностью русского человека, стяжав за этот непонятный в первую минуту магический фокус горячие аплодисменты, он (Д.), в сущности, грубо и резко осмеял эту русскую всечеловека. Мы полагаем, что Д. не станет отрицать того, что он вызвал фурор главным образом тем, что аудитории его чрезвычайно приятно показалось носить в груди идеал всемирности, как свою специальную и особую сущность. По нашему мнению, и тут мало похвального со стороны публики и со стороны Д., присвоить

* «Ф. Достоевский и Пушкин». Под ред. А. Л. Волынского. Парфенон. П. 1921 г., стр. 13–14.

себе исключительно такое крупное свойство, которое присуще всем европейским народам, и несправедливо, и чересчур эгоистично, так же эгоистично, как, например, отрицание во время крепостного права человеческих свойств у крестьян. Крепостники пресерьезно лишали своих крестьян многих свойств человека вообще или же умаляли эти свойства до последнего предела. И Д., как казалось с первого раза, учит русское общество думать о других народах, как думали наши помещики о своих крестьянах. На самом же деле оказывается, что Д. смеялся над всемирными стремлениями русского человека».

Даже консервативный — как сам себя называет в предисловии к отдельному изданию статьи «О всемирной любви» (П. 1881 г.) — К. Н. Леонтьев, откликнувшийся на речь Достоевского большой статьёй, напечатанной в «Варшавском Дневнике» за июль и август, также не согласился с Д. «По моему мнению, речь Достоевского, — писал Леонтьев, — речь пламенная, вдохновенная, к р а с н а я, так сказать, но в основании своем совершенно ложная, ибо нельзя же смешивать так опрометчиво и грубо, как сделал Достоевский, о б ъ е к т и в н у ю любовь поэта, любовь изящного вкуса, требующего пестроты, разнообразия, антитезы и даже трагической борьбы, с любовью м о р а л ь н о й, с чувством милосердия и со стремлением к поголовной, однообразной кротости»*.

Наиболее существенной критике положения Речи Д. подверг известный профессор Петербургского университета — государствовед и публицист, постоянный сотрудник «Голоса» Ал. Дм. Градовский (1841–1889) в статье «Мечта и Действительность», напечат. в фельетоне «Голоса»

* «Ф. Достоевский и Пушкин». Под ред. А. Л. Волынского. Парфенон. П. 1921 г., стр. 16–19.

за 25 июня 1880 г. №171 (перепеч. в «Собр. соч.», т. 6-й, П. 1901, стр. 375–383). В серьезной и увлекательной статье он разбивает все положения Ф. М., развивая в противовес взглядам Д. свое целостное понимание типа «скитальца», создавшегося в атмосфере общественных отношений.

«Нам представляется, — писал Градовский, — прежде всего недоказанным, что “скитальцы” отрешались от самого существа русского народа, что они переставали быть русскими людьми. До настоящего времени нисколько не определены пределы их отрицания, не указан его объект, так сказать, а пока не определено это, мы не вправе произнести о них окончательное суждение.

Тем менее вправе мы определять их как “гордых” людей, и видеть источник их отчуждения в этом сатанинском грехе.

Достоевский выразил “святая святых” своих убеждений, то, что составляет одновременно и силу, и слабость автора “Братьев Карамазовых”. В этих словах заключен великий религиозный идеал, мощная проповедь личной нравственности, но нет и намека на идеалы общественные»*.

Суждения Градовского были резки и неотразимы, и понятно, почему именно статья Градовского производит такое сильное впечатление на Ф. М., что он пишет «ответ Градовскому», — о чем и сообщает Пуцыковичу 18 июля из Старой Руссы: «20 мая отправился в Москву на праздник Пушкина, — и вдруг последовала кончина императрицы. Затем праздник все откладывали, и так дошло до 6-го июня, а в Москве мне не давали даже выспаться, — так я непрерывно был занят и окружен новыми лицами. Затем последовали праздники, и затем, буквально измученный, воротился в Старую Руссу. Здесь тотчас же засел за Карамазовых, написал три листа,

* Соч. т. 6-й. П. 1901, стр. 378–379.

отослал и затем тотчас же, не отдохнув, написал один № “Дневника Писателя” (в который войдет моя речь), чтоб издать его отдельно, как единственный № в этом году. В нем и ответы критикам, преимущественно Градовскому. Дело уже идет не о самолюбии, а об идее. Новый неожиданный момент, проявившийся в нашем обществе на празднике Пушкина (и после моей речи), они бросились за п и с ы в а т ь и затирать, испугавшись нового настроения в обществе, в высшей степени ретроградного, по их понятиям. Надо было восстановить дело, и я написал статью, до того ожесточенную, до того разрывающую с ними все связи, что они теперь меня проклянут на семи соборах». «Таким образом, — заключает Достоевский, — в месяц по возвращении из Москвы я написал всего буквально шесть листов печати. Теперь разломан и почти болен» («Московский Сборник», под ред. Сергея Шарапова, М., 1887 г., стр. 14–15).

Накануне, 17 июля, Достоевский писал Елене Андреевне Штакеншнейдер следующие любопытные строки: «11-го июня я возвратился из Москвы в Руссу, ужасно усталый, но тотчас же сел за Карамазовых и залпом написал три листа. Затем, отправив, принялся перечитывать все написанное обо мне и моей московской речи в газетах (чего до сих пор не читал, занятый работой) и решил отвечать Градовскому, т.-е. не столько Градовскому, сколько написать в е с ь наш profession de foi на всю Россию: ибо знаменательный и прекрасный, совсем новый момент в жизни нашего общества, проявившийся на празднике Пушкина, был злонамеренно затерт и искажен. В прессе нашей, особенно петербургской, буквально испугались чего-то, с о в с е м н о в о г о , ни на что прежнее не похожего, объявившегося на Москве; значит, не хочет общество одного подхихикивания над Россией и одного оплевания ее, как доселе: значит, настойчиво захотело иного. Надо это затереть, уничтожить, осмеять,

исказать и всех разуверить: “ничего, де, такого нового не было, а было лишь благодущие после московских обедов. Слишком-де, уже много кушали”...» «Я еще в Москве решил, напечатать мою речь в “Московских Ведомостях”, сейчас же издать в Петербурге один № “Дневник Писателя” — единственный номер на этот год, и в нем напечатать мою речь и некую о ней предисловие, пришедшее мне в голову буквально в ту минуту на эстраде, сейчас после моей речи, когда, вместе с Аксаковым и всеми, Тургенев и Анненков тоже бросились лобызать меня и, пожимая мне руки, настойчиво говорили мне, что я написал вещь гениальную. Увы! так ли они теперь думают о ней. И вот мысль о том, как они подумывают о ней сейчас, как опомнились от восторга, и составляет тему моего предисловия. Это предисловие и речь я отправил в Петербург, в типографию, и уже и корректуру получил, как вдруг я решил написать и еще новую главу в “Дневнике”, profession de foi с обращением к Градовскому: вышло два печатных листа, написал — всю душу положил и сегодня, всего только сегодня, отослал ее в Москву в типографию» («Русский Архив» 1891 г., кн. 3, 307–308).

Но Достоевский заранее предугадал перемену отношения в будущем к его речи общества и прессы, и С. А. Толстой, в письме 13 июня, это предчувствие и высказал прямо в словах: «Вчера лишь воротился из Москвы в Старую Руссу...» «О происшествиях со мною в Москве вы, конечно, узнали из газет!..» «Не беспокойтесь, скоро услышу: “смех толпы холодной”. Мне это не простят в разных литературных закоулках и направлениях...» «Речь моя скоро выйдет (кажется уже вышла вчера, 12-го в “Московских Ведомостях”) и уже начнут же ее критиковать — особенно в Петербурге!» («Вестник Европы» 1908 г., 215–216).

Еще более горькое признание по поводу критической оценки его речи современниками вырвалось у Ф. М. в письме к О. Ф. Миллеру от 26 августа 1880 г.: «За мое слово в Москве, видите, как мне досталось от нашей прессы почти сплошь: точно я совершил воровство — мошенничество или подлог в каком-нибудь банке. Даже Юханцев* не был облит такими помоями, как я». (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, стр. 343, СПб. 1883 г.)

Пушкинская Речь Достоевского — знаменательная дата его трудов и дней. Речь была последним словом писателя, на ней оборвалась его деятельность. Напечатанная в единственном номере «Дневника Писателя» за 1880 г., вышедшем в свет в день погребения Достоевского, Речь о Пушкине была прекрасной страницей выражения умершим своего преклонения и восторженного почитания гения Пушкина. С другой стороны, Речь для Достоевского была проявлением и его общественного credo; в ней Ф. М. через голову Пушкина сосчитался со своими идейными противниками. Письма Ф. М. к Анне Григорьевне еще раз убеждают нас, как серьезно смотрел Ф. М. на свое выступление и какое значение он придавал своей Речи на Пушкинском празднике.

Письма печатаются по новой орфографии, но с соблюдением пунктуации подлинника и особенностей написания слов (адрес, воксал и др.).

* К. Н. Юханцев был судим 23–25 января 1879 г. в СПб. в Окружном суде за растрату крупной суммы О-ва Взаимного Поземельного Кредита (подр. см. А. Ф. Кони «Судебные речи» 1868–1888 г., стр. 447–465).

ОТ РЕДАКЦИИ *Н. Бельчиков**

1. Все места, которые в оригинале были подчеркнуты автором, напечатаны в разбивку.
2. Все пояснения редакции, имеющиеся в тексте, напечатаны курсивом в круглых скобках.
3. Все слова, фразы и целые предложения, которые автором в оригинале были зачеркнуты, по возможности восстановлены в печатном тексте и заключены в квадратные скобки.
4. Все вводимые редакцией даты ставятся в квадратные скобки.

* Николай Федорович Бельчиков — советский литературовед, специалист по истории русской революционно-демократической литературы и общественной мысли XIX века, археограф, текстолог. Заслуженный деятель науки РСФСР. Доктор филологических наук.

Письма

Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

1866-1880 гг.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМ

1866 г.

1. Петербург 9 декабря.
2. Москва 29 декабря.

1867 г.

3. Москва 2 января.
4. Гомбург 17 мая.
5. " 18 мая.
6. " 19 мая.
7. " 20 мая.
8. " 21 мая.
9. " 22 мая.
10. " 23 мая.
11. " 24 мая.
12. " 25 мая.
13. " 26 мая.
14. Saxon les Bains... 5 октября.
15. " " " ... 6 октября.
16. " " " ... 17 ноября.
17. " " " ... 18 ноября.

1868 г.

18. Saxon les Bains .. 4 апреля.
19. " " " .. 4 апреля.

1870 г.

20. Гомбург 17/29 апреля.

1871 г.

21. Дрезден..... 1 февраля.
22. Висбаден..... 28 апреля.
23. " 29 апреля.
24. " 1 мая.

1872 г.

25. Москва 2 января.
26. " 4 января.
27. Старая Русса ... 27 мая.
28. " " ... 28 мая.
29. " " ... 30 мая.
30. " " ... 3 июня.
31. " " ... 5 июня.
32. " " ... 8 июня.
33. " " ... 9 июня.
34. " " ... 12 июня.
35. " " ... 14 июня.
36. Москва 9 октября.
37. " 10 октября.

1873 г.

38. Москва 20 мая.
39. Петербург 12 июня.
40. " 14 июня.
41. " 22 июня.
42. " 26 июня.
43. " 5 июля.
44. " 10 июля.
45. " 12 июля.
46. " 20 июля.
47. " 23 июля.
48. " 26 июля.
49. " 29 июля.
50. " 10 августа.
51. " 13 августа.
52. " 15 августа.
53. " 19 августа.
54. " 20 августа.

1874 г.

55. Москва 25 апреля.
 56. " 26 апреля.
 57. Петербург 6 июня.
 58. Эмс 13/25 июня.
 59. " 16/28 июня.
 60. " 23 июня—5 июля.
 61. " 6 июля.
 62. " 28 июня—10 июля.
 63. " 1/13 июля.
 64. " 5/17 июля.
 65. " 8/20 июля.
 66. " 14/26 июля.
 67. " 16/28 июля.
 68. " 17/29 июля.
 69. " 20 июля—1 августа.
 70. Старая Русса ... 17 декабря.
 71. " " ... 18 декабря.
 72. " " ... 19 декабря.
 73. " " ... 20 декабря.

1875 г.

74. Новгород 4 февраля.
 75. Петербург 5 февраля.
 76. " 6 февраля.
 77. " 7 февраля.
 78. " 8 февраля.
 79. " 9 февраля.
 80. " 10 февраля.
 81. " 11 февраля.
 82. " 12 февраля.
 83. " 12 февраля.
 84. " 13 февраля.
 85. " 13 февраля.
 86. " 14 февраля.
 87. Старая Русса ... 6 апреля.
 88. Петербург 12 мая.
 89. " 13 мая.
 90. " 14 мая.
 91. " 25 мая.
 92. Берлин ... 27 мая—8 июня.
 93. Эмс 29 мая—10 июня.
 94. " 1/13 июня.

95. Эмс 4/16 июня.
 96. " 7/19 июня.
 97. " 10/22 июня.
 98. " 13/25 июня.
 99. " 15/27 июня.
 100. " 18/30 июня.
 101. " 21 июня—3 июля.
 102. " 23 июня—5 июля.
 103. " 25 июня—7 июля.
 104. " 27 июня—9 июля.
 105. " 1/13 июля.
 106. Петербург 6 июля.

1876 г.

107. Берлин 7/19 июля.
 108. Эмс 9/27 июля*.
 109. " 13/25 июля.
 110. " 15/27 июля.
 111. " 18/30 июля.
 112. " 21 июля—2 августа.
 113. " 24 июля—5 августа.
 114. " 26 июля—7 августа.
 115. " 30 июля—11 августа.
 116. " 2/14 августа.
 117. " 6/18 августа.

1877 г.

118. Петербург 6 июля.
 119. " 7 июля.
 120. " 11 июля.
 121. " 15 июля.
 122. " 17 июля.

1878 г.

123. Москва 20 июня.
 124. " 22 июня.
 125. " 29 июня.
 126. " 7 ноября.
 127. " 8 ноября.
 128. " 9 ноября.
 129. " 10 ноября.
 130. " 11 ноября.

* Так и в подлиннике. — *Прим. Н. Б.*

1879 г.

131. Старая Русса ... 19 июня.
 132. Петербург 19 июля.
 133. Берлин . 22 июля—3 августа.
 134. Эмс 24 июля—5 августа.
 135. " 25 июля—6 августа.
 136. " 28 июля—9 августа.
 137. " 30 июля—11 августа.
 138. " 1/13 августа.
 139. " 4/16 августа.
 140. " 7/19 августа.
 141. " 10/21 августа.
 142. " 13/25 августа.
 143. " 14/26 августа.
 144. " 16/28 августа.
 145. " ... 19 августа—1 сентября.
 146. " ... 24 августа—13 сентября*.
 147. " ... 27 августа—9 сентября.

1880 г.

148. Москва 23/24 мая.
 149. " 25 мая.
 150. " 25/26 мая.
 151. " 27 мая.
 152. " 27/28 мая.
 153. " 28/29 мая.
 154. " 30 мая—30/31 мая.
 155. " 31 мая.
 156. " 2/3 июня.
 157. " 3/4 июня.
 158. " 5 июня.
 159. " 7 июня.
 160. " 8 июня.
 161. Старая Русса ... 11 августа.
 162. " " ... 12 августа.

* Так и в подлиннике. — *Прим. Н. Б.*

1866 г.

I.

Милая моя Аня, прелестная моя именинница, — не рассердись на меня, ради бога, за мою слишком глупую осторожность. Я сегодня решился у тебя не быть; чувствую себя еще не совсем здоровым. Пустяки совершенные, но все-таки некоторая слабость и несовсем чистый язык. Видишь ангел мой: Необходимо до последней крайности быть у Базунова¹. Но Базунов от меня в версте, а к тебе в четверо дальше. Не лучше ли хоть немножко поосторожничать, но уж наверно выздороветь завтра, чем прохворать еще неделю? И к Базунову бы совсем не следовало. Вчера сидел над переделкой 5-й главы² до второго часа ночи; (а после обеда ничего не заснул; не дали, беспокоили). Это меня доканало. Заснул я уже в четвертом часу ночи. Сегодня как-то вял, да и лицо у меня совсем не именинное^{2а}, так что я уж лучше посижу дома. Обедать буду опять один суп дома, как вчера. — Не сердись моя прелесть, что пишу тебе о таких глупостях: я сам слишком глуп сегодня. А ты ради бога не беспокойся. Мне главное-бы сегодня заснуть. Чувствую что сон подкрепит меня, а ты завтра зайди ко мне поутру как обещалась. До свидания милый друг, обнимаю и поздравляю тебя.

Тебя бесконечно любящий и в тебя бесконечно верующий

Твой весь

Ф. Достоевский.

Ты мое будущее все — и надежда и вера и счастье и блаженство — все.

9 декабря/66 [Петербург].

2.

Москва 29 декабря/66.

Не сердись на меня, мой бесценный и бесконечный друг Аня, что я пишу тебе на этот раз только несколько строк единственно с целью поздороваться с тобой, поцеловать тебя и уведомить тебя только о том как я доехал и приехал, не более, потому что еще никуда и носу непоказывал в Москве. Ехал я благополучно. Спальные вагоны сквернейшая нелепость: сыро до безобразия, холодно, угарно. Весь день и всю ночь до рассвета прострадал зубною болью (но весьма сильною); сидел неподвижно или лежал и беспрерывно вызывал воспоминания последних 1½ месяцев³; к утру заснул, крепко; проснулся с затихшей болью. В Москву въехал в 12 часов; в половину первого был уже у наших⁴. Все очень удивились и обрадовались. Елена Павловна⁵ была у них. Очень похудела и даже подурнела. Очень грустна; встретила меня довольно слегка. После обеда началась зубная боль опять. Я с Соней⁶ остались на полчаса одни. Сказал Соне все. Она у ж а с н о р а д а. Она вполне одобряет; не находит и отрицает препятствия á la Юнге⁷. Разумеется все было рассказано без больших подробностей. Много еще нам с ней придется переговорить. Она качает головой и несколько сомневается в успехе у Каткова⁸. Грустит собственно о том, что т а к о е дело висит на такой ниточке. Спросил ее: что Елена Павловна в мое отсутствие вспоминала обо мне⁹? Она отвечала:

о какже, непрерывно! Но не думаю, чтоб это могло назваться собственно любовью. Вечером я узнал от сестры и от самой Елены Павловны, что она все время была очень несчастна. Ее муж ужасен; ему лучше. Он не отпускает ее ни на шаг от себя. Сердится и мучает ее день и ночь, ревнует. Из всех рассказов я вывел заключение: что ей некогда было думать о любви. (Это вполне верно). Я ужасно рад и это дело можно считать поконченным. А о моем браке с тобою я объявлю родным при первых надеждах на успех у Каткова. Весь первый день, т.-е. вчера, у меня болели зубы, за ночь вспухла щека и потому сегодня не болят. Сегодня поеду к Любимову¹⁰, но во всяком случае думаю, что у Каткова не буду. И вообще не знаю еще плана действий. Увижу по обстоятельствам. Постараюсь поспешить изо всех сил, чтоб поскорей воротиться к тебе. Лишнего не останусь. Я часто бываю очень грустен, какая-то беспредметная даже грусть, — точно я совершил перед кемнибудь преступление. Тебя представляю себе и тебя воображаю себе поминутно. Нет, Аня, сильно я тебя люблю, тебя любит и Соня: Ужасно-бы желала тебя видеть. Волнуется и интересуется.

А теперь обнимаю тебя крепко и целую — до близкого письма и свидания. Напишу тебе еще подробнее и получше дня через 2 или три — как только что-нибудь сделаю. Теперь спешу изо всех сил: чувствую, что везде опоздаю (вот беда-то будет!) Что делать — праздник у всех, и время у всех ненормально.

Как-то ты проводила вчерашний день? Думал тебя во сне увидеть — не видал. Загадал о тебе на книге, т.-е. развернуть книгу и прочесть первую строку на правой странице; вышло очень знаменательно и кстати. Прощай милочка, до близкого свидания. Целую тысячу раз твою ручонку и губки (о которых вспоминаю очень). Грустно, хлопотливо, разбиты как-то все впечатления. Масенька мила и ребенок¹¹. Приехал и Федя¹².